

МАХРЫ- МАХРОВЫЙ

В одном из писем читателей был вопрос: «Почему слово *махровый* употребляется в отрицательном смысле, например, *махровый реакционер?*». Вопрос закономерный, хотя и сформулирован не совсем точно.

Прилагательное *махровый* в современном русском литературном языке встречается в сочетаниях с существительными, относящимися к трем различным смысловым рядам, и — соответственно — выступает в трех значениях, уже не очень тесно связанных между собою. В сочетаниях с существительными, обозначающими какой-либо материал (тканый или плетеный) или изделия из такого материала, оно означает 'имеющий махры', то есть бахрому или что-нибудь подобное ей, например свисающие нити, клочки и т. д.; в отношении к тканым предметам *махровый* значит также 'имеющий ворс, образуемый нитяными узлами' (махровое полотенце, махровая простыня и т. п.). Это основное и исходное значение слова.

Другое значение, связанное с первым, но, несомненно, специализированное и потому обособившееся, выступает в сочетаниях с названиями цветов, цветущих растений (махровые розы, гвоздика, георгины и пр.). Прилагательное *махровый* закрепилось в ботанической, садоводческой терминологии. Оно выделяет 'цветы с тычинками, превратившимися в лепестки' (Н. А. Тимирязев. Жизнь растения). «Явления махровости,—

писал Тимирязев,—любозытны еще в том отношении, что они могут быть отчасти вызваны искусственно». Действительно, выведение махровых цветов, пышных, с обилием лепестков, давно уже распространено в садоводстве.

Именно от этого терминованного значения и ведет свое начало использование прилагательного *махровый* как своего рода эпитета, характеристики в чисто качественном значении. В подобных случаях *махровый* сочетается либо с отвлеченными существительными (обозначениями различных свойств, качеств или действий и явлений социальной жизни), либо с названиями лиц, деятелей, носителей таких свойств.

Такое особое употребление прилагательного и занимает нашего читателя (в «Словаре современного русского литературного языка»: 'ярко выраженный, достигший высшей степени'). Прилагательное *махровый* в этом общем значении особой интенсивности проявления чего-либо соотносится теперь только с теми качествами, свойствами и явлениями, а также их носителями, которые имеют отрицательный, с нашей точки зрения, характер. Вот типичные сочетания со словом *махровый* в данном значении из произведений литературы и из цитесы последних десятилетий (эти примеры содержатся в большой словарной картотеке Института

русского языка АН СССР в Ленинграде): *махровая* реакция, *махровый* реакционер, белогвардеец, националист, бандит; *махровая* порнография, *махровая* ложь и т. п. Сочетания эти для современного употребления, несомненно, типичны. Круг их сравнительно ограничен, но зато некоторые из них весьма употребительны (особенно *махровая реакция* и *махровый реакционер*). Напротив, невозможно теперь представить сочетания *махровый* со словами, выражающими положительные, с нашей точки зрения, понятия, или с наименованиями лиц — носителей положительных свойств.

Любопытно, что в тех редких для современного употребления примерах, где прилагательное соотносено по воле автора с существительным нейтрального, во всяком случае не чисто отрицательного, содержания, оно становится как бы «сокращенным» указанием на отрицательную сущность данного явления или лица. Так, в одной из газетных статей мы встретили сочетание: «писатель дореволюционный, за исключением самых махровых...», откуда очевидно, что автор имеет в виду писателей явно реакционных, ретроградных.

Итак, *махровый* в таком употреблении сейчас не только имеет общее значение интензивного, крайнего проявления чего-либо (в этом смысле оно синонимично словам *явный*, *очевидный*, *безсловный*, *крайний* и т. д.), но и содержит дополнительный экспрессивный оттенок отрицания, неодобрения того, что выражено сочетающимся с ним существительным (и в этом смысле оно ближайшим образом соотносится с другими не менее выразительными эпитетами — *отъявленный*, *оголтелый*).

Почему же за словом *махровый* закрепилось ограниченное применение? Как, когда и при каких условиях оно сложилось?

Как уже сказано, такое употребление слова следует признать переносным; оно сложилось в результате образного использования прилагательного *махровый* в его «садоводческом» значении. Эта связь и сейчас, несмотря на всю специфич-

ность и обособленность экспрессивного, «публицистического» по преимуществу применения слова как своеобразной характеристики явлений и лиц, еще ощутима. Ведь рядом с сочетаниями *махровая реакция* или *махровый реакционер* мы постоянно употребляем и явно образные, сравнительные построения типа: «реакция расцвела махровым цветом». У Курина: «Он попл в ресторанах отъявленных дураков и негодяев, терпеливо выжидая, пока в объявлении они не распусят пыльным махровым цветом своего уродства» (Штабс-капитан Рыбников).

Махровый — ближайшее производное от существительного *махор* (в другом произношении и написании — *мохор*), чаще всего употребляющегося во множественном числе — *махры* (*мохры*). В этимологических словарях русского языка А. Преображенского и М. Фасмера мы найдем указание (безоговорочное у Фасмера, предположительное у Преображенского) на то, что *махор* (*мохор*) восходит к общеславянскому *мох* (*мъхъ*) и родственно со словом *мохны* (единственное число *мохна*) 'шерсть или перья на ногах животных, птиц', также вообще 'кочки, лохмы волос, шерсти' (от последнего произведены *мохнатый*, *мохнатея* и т. п.). Однако данная этимология сомнительна. Возводя это слово наряду с *мохна* к исконно славянскому *мъхъ*, составители указанных словарей (ср. также: Г. А. Ильинский. Звук sh в славянских языках — «Известия Отделения русского языка и словесности АН», 1915, т. XX, кн. 3) опирались на мнение, впервые высказанное чешским языковедом А. Матценауэром. Кроме ссылок на Матценауэра, другие этимологи, обратившиеся к данному слову (И. Зубатый, Г. Ильинский, А. Преображенский, М. Фасмер), никаких доводов в пользу этого утверждения не привели. Между тем сам А. Матценауэр очень осторожно и предположительно писал: «Однокоренными с *мъхъ* 'muscus', кажется, являются (zdaji se býti): рус. мохнѣ..., мохор..., мохровый» (А. Matzenauer. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. — «Listy filologické

a paedagogicé». Т. X. Praha, 1883). Есть данные, которые заставляют усомниться в таком предположении.

Начнем с того, что слово *махор*, *махры* известно только русскому и белорусскому языкам, а *махровый* — типично русское образование (в современном украинском литературном языке оно употребляется лишь в своем переносном значении и несомненно взято из русского). В русском языке оно появилось довольно поздно. Первые его фиксации относятся к XVIII веку. Оно приводится в переводном (немецко-русском) словаре «Российский Целлариус» (1771), а из толковых словарей — в «Словаре Академии Российской» (1792). Любопытно, что в словарях XVIII века (упомянутом «Российском Целлариусе», Словаре И. Нордстета, 1780) сперва выступало написание: *махры*, *махровый* и лишь несколько позднее с *о* в корне, которое может уже служить признаком этимологических отождествлений этих слов со словами *мох*, *мохна*, *мохнатый* и т. д. Впрочем, и впоследствии написание с *о* не стало единственным, а практика последних лет восстановила — как унифицированное — написание с *а*.

Наша историческая словарная картотека (древнерусского словаря — в Москве, словаря XVIII века — в Ленинграде) также свидетельствуют, что *махровый* не встречается в памятниках ранее XVIII века, да и в них регистрируется не так часто и только в значении «садоводческом» или «огородническом». Наиболее ранних из известных случаев его употребления находим в переводной книге «Флоривова экономия» (1-е издание — СПб., 1738), посвященной описанию различных домашних занятий и потреб. Там, например, читаем о капусте: «Сего плода разные сорта находятся, а имянно белая, серая, махровая, италийская и немецкая капуста». Ср. в журнале «Экономический магазин» (московское издание Н. И. Новикова, ч. IX, 1782): «вишни с махровыми цветами»; «Словарь ботанический» Н. М. Максимовича-Амбодика (СПб., 1795): «гвоздички пестрые махровые».

Слово *махор* (*махры*) более раннего происхождения. Оно распространено в русских народных говорах, северных и южных, и представлено в них довольно широкой гаммой значений, относящихся к различным предметам. По данным областных словарей и богатых собраний картотек современного русского словаря и «Словаря русских народных говоров» в Ленинграде (записи, сделанные в разных местах на протяжении XIX—XX вв.), слово *махры* (*махор*) значит и «бахрома», и «различные предметы туалета (например, платок, палль и т. п.) с бахромой по концам», и «различного рода кисти, подвески (например, у пояса)», но вместе с тем — и «лоскутки», «рваные трипки», а также «оборванная старая одежда (с торчащими по краям, на подоле, на рукавах и т. п. нитками, ключьями и т. п.)». Здесь мы не имеем возможности привести весь этот пестрый диалектный материал. Но вот скудные сводные данные с указаниями на место фиксации слова.

1. Бахрома (соответственно для форм единственного числа — «отдельная часть, кисть бахромы»). Очень широко (записано в Кировской, Владимирской, Калининской, Смоленской, Псковской, Орловской, Пензенской, Новосибирской областях). Ср. также белорусское *махры*.

2. О различных предметах одежды с бахромой или иными украшениями по краям. Ср. орловское (запись Е. Ф. Будде начала XX века): «головной платок с бахромой, образующий на голове мохнатую повязку в виде турецкой чалмы»; владимирское: «полотенце, выстроченное с бахромой»; кировское (вятское): «оборки по подолу сарафана» и т. п.

3. Различные подвески, кисти как украшение. Отмечено в этом значении в Пензенской, Орловской, Воронежской, Рязанской, Смоленской, Калининской областях, на Дону и т. д. Ср. в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914): «Махры вышиваные — узоры на занавеске, пришитые к низу занавеси; узоры вышиваются красными нитками»;

в записях народных песен П. В. Киреевского: «Я по пояс в золоте обвилась, Жемчужные махорчики до земли».

4. Лоскутки, тряпки (Рязанская обл.), куски рваной одежды (Псковская обл.).

5. Оборванная (особенно по краям) старая одежда (записано в быв. Вятской губ., в Саратовской обл.). С этим значением прямо связаны некоторые производные существительные, известные народным говорам. Например, *махряк* (женский род; махрячка) 'оборванец, неопрятный в одежде человек' (В. И. Даль. Словарь); *махря* 'растрена, разгильдяй' (употребляется как бранное слово, например, в говорах вятских); *махоря* 'неповоротливый, неловкий человек'; *махратник* 'мелочной торгаш, коробочник, разносчик' — Пензенская обл. (Дополнения к Опыту областного словаря. СПб., 1858), 'тот, кто собирает разный утиль, кости, тряпки и т. д.' (записано в Пензенской обл. в 1966 году Зиминим) и др.

6. Пучки волос у лошади на ногах, под копытами (записано в Смоленской обл.).

Даже из краткого перечня видны не только широкое распространение существительного *махры* (*махор*) в говорах и широкая амплитуда его смыслового наполнения, но и ведущее положение среди диалектных значений первого — 'бахрома'. Это нам представляется прямо указывающим на происхождение слова. Видимо, оно произведено не от слова *мах*. Естественнее предположить, что оно — вариант, видоизмененное заимствованного русского языком несколько веков назад *бахрома* (последнее отмечается впервые в русских текстах XVI века). Характерно, что в русских говорах, как отметил еще В. И. Даль в своем Словаре, встречается также его звуковой вариант — *махрома*. Слово, очевидно, пришло к нам из тюркоязычной среды. В. В. Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» (т. IV. СПб., 1911) отмечает *макрама* в языке караймов со значением: 'вуаль для женщин' и возводит его к арабскому источнику (см. И. Д. Ягел-

ло. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910; *ma(u)qrama* — 'покрывало с вышитыми рисунками, платок носовой, салфетка'; 'постельное белье'; ср. также в болгарском: *махрома* 'большой деревенский платок с полосатыми узорами'). Слово это в пору усиленных сношений (в том числе и торговых) с тюркоязычным тогда Крымом проникло в русский язык и здесь претерпело и смысловую (хотя прежде всего и осталось в живой народной речи связанным с обозначением предметов туалета и их украшений) и звуковую, формальную эволюцию (*махра*, *махор* из *махрома*; наряду с сохранением и *махрома*, *бахрома* — обе последние формы, по свидетельству академика Ф. И. Корша, были известны и тюркским источникам). Смысловую эволюцию *махры* от значения 'бахрома' к значению 'свисающие нитки, лоскутья, клочья' и даже 'рваная одежда, ветошь' и т. п. объяснить нетрудно. Такое 'ухудшение' предметного значения — случай в языке нередкий, особенно в заимствованных словах. Ведь и *бахрома*, прочно закрепившееся в русском литературном языке в его исходном значении, может в определенных речевых контекстах употребляться для обозначения обтрепанных краев одежды.

Существительное *махры* (*махор*), широко распространенное в говорах, лишь в последние полтора-два столетия стало употребляться в так называемом «литературном просторечии», то есть в кругу слов обиходного, сниженного характера, привносящих в нашу речь известный бытовой колорит. В литературных текстах XVIII века оно представлено немногими примерами. Причем и тут мы встречаем его прежде всего со значением 'бахрома':

Увидела себя без райских покрывал,
Лежащу в платьице простом и ненарядном,

В какое Душеньку, в несчастье
бесприкладном,

Оставив выкладки и всякие махры,
Родные нарядили.

БОГДАНОВИЧ. Душенька

Выкладка здесь — «нашивки на полях или подоле женского платья».

Особое распространение в литературе это существительное получило с середины XIX века, когда в реалистическую прозу все сильнее проникают слова народно-обиходного языка. Вот несколько примеров: «[Лошади] с подвязанными хвостами, в сбруе с кольцами и махрами» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Вон ночью умные-то понадели красную рубаху, пояса с махрами, лосные картузы — словно господа» (Н. Успенский. Егорка-пастьух); «витой с нарядным махром арапник» (Шолохов. Тихий Дон), «пушистые махры шарфа» (там же) и т. д. Это — об украшениях разного рода, бахроме и пр. А вот и в «ухудшенном» смысле — о торчащих ключьях чего-либо, оборванных, растрепанных концах и т. д.: «Крыши... были крыты соломою, но под щетку, так что глаз не огорчался ни махрами, ни всякими ключьями» (Щедрин. Сказки. Деревенский пожар); «Хозяин разбранил его за то, что он ходил с махрами на сапогах и голыми пальцами и велел купить ему новые сапоги на базаре» (Л. Толстой. Алеша-горшок) и пр.

Немудрено, что при такой широкой распространенности слова *махры* с его различной предметной отнесенностью становятся популярными, обычными в литературе и его различные образные применения, «переносы» по сходству. Например: «В поле ни травинки нет, кое-где только торчит махрами сопрелая ветوشь, которую прошлой осенью скотский зуб венароком обошел» (Щедрин. Сказки. Коняга); «Новыль... белел одинокими махрами» (Вересаев. На мертвой дороге).

Одно из таких образных применений слова *махор*, легко получившее специальный терминированный смысл, сложилось в садоводческой практике. «Словарь Академии Российской» (1792) так описывал значение и употребление существительного *махор*: «Каждая из нитей к краям платья для украшения пришиваемых и бахрому собою составляющих. *Махры* у чеп-

рака золотые, шелковые. Говорится также уподобительно о цветках растений, имеющих часто сидящие лепестки и длинные зубчики. *Махры на маке*».

От слова *махор* в русском народном языке развилось довольно много производных. Ср., кроме приведенных выше *махряк*, *махря*, слова *махрить*, *махриться*, *махроветь*, *махорчатый*. Но наиболее употребительным и распространенным из них оказалось самое ближайшее по смыслу его производное — прилагательное *махровый*. Описание этого прилагательного в ранних словарях, вплоть до «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года и «Голкового словаря живого велико-русского языка» В. И. Даля, хотя и дают ему общее формальное определение «покрытый мохрами, имеющий большие мохры», «с мохрами», однако иллюстрируют его употребление только одним садоводческим примером: *махровый мак*. И только в 30—40-х годах XIX века появились новые импультсы, придавшие слову более широкое употребление и вдохнувшие в него новый смысл, не известный ранее разговорной речи.

Дело в том, что в литературе 30—40-х годов XIX века, особенно в публицистике и литературной критике, а также в речи интеллигенции, обнаружилось сильное стремление видоизменить и оживить слог собственно книжный, связанный с выражением отвлеченных понятий — философских, социально-политических и т. д. — речевыми средствами иного порядка, словами и выражениями не стертыми, не шаблонными, а выпуклыми, конкретно образными, взятыми из живой речи, связанными, в частности, с реальным бытом, различными практическими навыками и занятиями и т. д. Примеров подобного рода в литературе тех лет, после Пушкина, мы найдем немало.

Писатели новой школы охотно обращались к сравнениям и уподоблениям из материального мира, чтобы раскрыть с предельной резкостью и очевидностью жизненное значение новых, по всей вероятности отвлеченных идей. В словах предметного характера при их про-

экции на мир идей всегда обнаруживался свежий запас убеждающей силы. Среди таких слов и выражений оказалось тогда и профессиональное слово *махровый*. Началось, как всегда, с прямых образных употреблений, которые и впоследствии сохранили свою силу в языке, вошли в арсенал обычных речевых удоблений.

Предшественник В. Г. Белинского, литературный критик Н. И. Надеждин писал в своем журнале «Телескоп» (1832, № 1): «Между искусственно выращенными — так сказать — махровыми цветами подражательной литературы и указать не на что». Авторское «так сказать» указывает на непривычность еще выражения. Приложил руку к новому, образному применению слова и русский романтизм с характерной для него тягой к неожиданным и предметно-обостренным сопоставлениям. Так, еще в записках А. А. Бестужева-Марлинского «Поездка в Ревель» (1821) находим следующую картинную фразу: «Дымилися махровые туманы. Здесь явно индивидуальная попытка связать прилагательное с одним из значений слова *магры* — ‘ключья’ — и вместе с тем придать ему образное осмысление — ‘пышный’, ‘сильно клубящийся’.

Переносное осмысление слова *махровый* легко и быстро распространилось и стало обычным для литературной речи середины XIX века. Ср.: «Проговорил..., иокраснев, как махровая роза» (Достоевский. Хозяйка); «Лицо его..., багровое, как махровый пион» (Григорович. Похождения Накатова); «Петербургский чиновник... это махровый чиновник, далеко оставляющий за собою мелких плутов, уездных и губернских» (Герцен. Новгород Великий и Владимир на Клязьме) и т. п. На первых порах при таком переносе основным оказывается один признак — усиленной «развитости» явления. Отсюда и довольно обычные в этих случаях антонимические противопоставления махрового, как особенно, чрезвычайного, искусственно развитого, — простому, заурядному, обычному, не выходящему за пределы нормы. Ср.: «У нас теперь на

Руси всякий водится народ: и славнофилы, и чиновники, и простые и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудакки» (Тургенев. Ночь).

Но с течением времени на передний план выходит другой, более узкий признак — «отрицательности». Соответственно с этим все более суживаются и границы фразеологической сочетаемости слова с существительными. Сейчас оно как экспрессивный эпитет обычно, по набор существительных, с которыми охотно и легко сопрягается это слово, сильно ограничен и в общем исчерпывается кругом существительных, перечисленных в начале статьи. В наши дни преобладает публицистико-сатирическая устремленность слова *махровый*.

Что же определило такое смысловое наполнение слова в его переносном применении, его ограниченную сочетаемость, замкнутую узким рядом существительных — обозначений отрицательных явлений, особенно социального порядка?

Как уже говорилось, довольно значительная группа слов (в частности и прилагательных), первоначально связанных со сферой бытовой, хозяйственной и т. п., в середине XIX века получила переносные значения и стала употребляться применительно к явлениям социально-политическим, идеологическим и т. д. Многие из них при этом получили «сниженную» стилистико-понятийную тональность. Ср. *доморощенный* — первоначально ‘родившийся и вскормленный дома’, например: доморощенные утки; затем переносно и иронически о чем-либо невысокого достоинства, примитивном: «наши доморощенные эстетикни» (Добролюбов); *мелкотравчатый* ‘покрытый мелким узором (об атласе)’, затем переносно и с отрицательным экспрессивным оттенком ‘незначительный, педадекий (о человеке или поступке)’, например: мелкотравчатый писатель, мелкотравчатое обличие и т. д.; *мягкотелый* — первоначально о плодах с нежной мякотью: мягкотелая дыня, ср. позднейшую ироническую формулу: мягкотелый интеллигент; *разношерстный* — первоначально о

животных: 'имеющий шерсть разного цвета', позднее — переносно о людях и явлениях — с подчеркнутой снижающей экспрессией.

В этом же направлении эволюционировало и прилагательное *махровый* в его переносном употреблении, в котором оно оказалось особенно тесно связанным с публицистическими жанрами. Язык публицистики, прессы, постоянно нуждающийся в броских и резко отчётливых формулах, обнаруживает часто явное тяготение к своеобразному «жесткому» отбору таких наиболее очевидных формул. Это приводит к их повторяемости, к сужению фразеологической активности, к ограниченному кругу сочетаемости одних слов с другими. Вот почему в этих стилях и слово *махровый* как очень сильный и выразительный эпитет стало обычно сочетаться с ограниченным кругом существительных, вызывающих особое отрицание: реакция и реакционер, национализм и националист и т. д.

Особая причина, способствовавшая сгущению отрицательных тонов в определении *махровый*, заключалась в наложении на складывающееся переносное его употребление (в исходном садоводческом значении) одного выражения с этим словом, сложившегося в другой среде и восходящего к другому значению слова *махры*. В народно-разговорной речи существовало выражение: махровый дурак. Подобно словам *мохряк*, *мохря*, *мохорь*, оно имело бранное, уничижительное значение. Ср. у Н. Гарина: «И куда он только лезет, дурак ма-

хровый,— ругаются наши матросики» (Из дневников кругосветного путешествия). Здесь *махровый* тяготеет по смыслу к тому же значению существительного *махры*, что и слова *мохряк*, *мохря* и под., то есть 'тряпки, ветошь' и т. д.

Махровый дурак — это не только глупый человек, но и неряха, разгильдяй. Однако в подобного рода эмоциональных оценках реальный смысл всегда оказывается поневоле расплывчатым, легко размываемым. Главное здесь — сила отрицательной оценки, а не конкретная характеристика. Не удивительно, что это народное выражение, попав на иную почву, легко поддавалось воздействию и ассимилировалось с тем особым переносным значением, которое определилось на почве литературного языка. *Махровый* и в подобных сочетаниях становилось выражением особой интенсивности свойства. *Махровый дурак* стало восприниматься в смысле 'дурак особенный, в высшей степени, совершенный'. Явные признаки такого осмысления мы находим, например, в реплике Пигасова (Тургенев. Рудин), где, правда, выражение *махровый дурак* заменено иным вариантом, с употреблением синонимического существительного: «Он махровый болван, с треском болван». Несомненно, что переосмысленное в этом направлении народное выражение *махровый дурак* также способствовало сгущению отрицательной окраски прилагательного *махровый* в его переносном употреблении.

Ю. С. СОРОКИН
Ленинград

Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрерывно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь... Язык идет вместе с жизнью народа...

В. Г. Б е л и н с к и й. Ответ на ответ г-на Д... [1846]